

## МОРОЗ

ВАСИЛЬ. Ну вот и всё.

*Я молчал. Я долго молчал, постукивая пальцами по дверце бардачка. Пальцы пока не замёрзли, в машине ещё витало остаточное тепло от несколько минут назад отключившейся печки. Надо бы надеть перчатки, но я не спешил – словно назло ситуации. Мол, я тебя не боюсь, мороз. Не боюсь и не очень-то и верю в тебя. Это только в кино они – какие-то там они – насмерть замерзают. Это всё чушь и неправда. Так не бывает.*

Я. Хорошо.

ВАСИЛЬ. Пассивная агрессия.

Я. Да нет, почему же.

ВАСИЛЬ. Потому что ничего хорошего.

Я. Насчёт ситуации – да, я согласен. Ничего хорошего.

*Некоторое время мы молчали. Я заметил, что наше дыхание потихоньку становится видимым.*

Я. Ты сказал: “Ну вот и всё”. А я дал понять, прости за тавтологию, что понял тебя. Я не оценивал то, что ты сказал. Это, знаешь, как бы – да, окей, и что дальше?

ВАСИЛЬ. А что дальше? Дальше я буду пробовать снова.

Я. Пробуй снова.

*Я, на самом деле, едва сдерживался. Мне безумно хотелось начать орать на него. Может быть, даже*

ударить. Ну не в лицо. Но пнуть в плечо - точно. Костяшками в самую мякотку.

ВАСИЛЬ. Слушай, ну я не виноват.

Я только кивнул. Василь завозился с ключами и педалями. Но машина не оживала. Я подумал, что, похоже, она окончательно мертва.

Я. Она, похоже, окончательно мертва.

ВАСИЛЬ. А ты не говори под руку.

Я. Суеверничаешь?

ВАСИЛЬ. Нет такого слова. Кажется.

Я пожал плечами. Нет так нет. Я считал, что любые слова есть, если ты их используешь. Но каждому своё.

Я. "Каждому своё" - это из Библии, что ли?

ВАСИЛЬ. А я знаю? Мне что, до Библии сейчас?

Я. Наверное, скоро нам будет до Библии.

ВАСИЛЬ. Твою мать!

Он несколько раз кулаками ударил по рулю и вышел из машины, громко захлопнув дверь. Через лобовое стекло я увидел, как он открыл капот. Я сидел достаточно долго, упрямо не натягивая перчатки, но потом не выдержал и вышел. Снаружи оказалось гораздо холоднее. Я с раздражением надел перчатки. Осмотрелся.

Справа и слева торчали черные стволы. Под ногами хрустел снег. Ту белую, извилистую полосу среди деревьев, по которой мы сюда приехали, сложно было назвать дорогой. Узкая, раздолбанная гравийка. По ней если и ездил кто-то, то раз в полгода. Как мы. То есть, нет, конечно - мы не ездили по ней каждые полгода. Зачем? Просто примерно шесть месяцев назад кто-то использовал эту, скажем так, дорогу по прямому

*её назначению. А теперь вот - мы. Кто ж знал, что будет так холодно?*

Я. Слушай, кто ж знал, что будет так холодно?

ВАСИЛЬ. А ты чего высунулся? Сидел бы себе и грелся. Пока можно.

Я. Мне совестно.

ВАСИЛЬ. Совестно ему.

Я. Да. Мне совестно. Я в машинах ничего не понимаю. Могу там, например, сказать, где капот, а где багажник. И всё. А остальное - тёмный лес для меня.

ВАСИЛЬ. Тёмный лес сейчас вокруг.

Я. Это да.

*Мы помолчали. Василь в этот короткий промежуток молчания чем-то гремел там, внутри авто, а я стоял чуть поодаль, бессознательно пританцовывая - так, чуть-чуть совсем: ритмично напрягая и расслабляя ступни - и не позволяя себе задрать голову и посмотреть наверх.*

Я. Мне просто неудобно, что я ничем не могу помочь тебе. Это акт солидарности.

ВАСИЛЬ. Это акт идиотизма. От того, что ты обморозишься, мне легче не станет.

Я. Там, внутри, начинает становиться неуютно.

ВАСИЛЬ. Вот она, реальная причина.

Я. Не только. Мне на самом деле совестно из-за того, что я бесполезен. Но в машине сейчас - как внутри у мёртвого зверя.

ВАСИЛЬ. Ты что, бывал когда-нибудь внутри мёртвого зверя?

Я. Нет. Но у меня есть воображение, например. Мне кажется, что мёртвый, выпотрошенный зверь...

ВАСИЛЬ. Всё, всё, заткнись!

Я. Подожди. Это же в каком-то фильме было! Который я не смотрел, кстати. Но видел трейлер, и там...

ВАСИЛЬ. Я знаю, что это за фильм. Но мне не интересно. Можешь, пожалуйста, не развивать тему?  
Я. Хорошо.

*Мы помолчали. Потом Василь пробубнил что-то неразборчивое - я уловил только два слова: "патрубок" и "порвался". А может, мне показалось. Чуть помедлив, Василь сказал третье слово, матерное.*

Я. Что ты говоришь? Я не расслышал.

ВАСИЛЬ. Я говорю, что машине конец. И нам, похоже, тоже.

Я. А нам-то почему?

*Василь посмотрел на меня очень выразительно. Было, конечно, не так и светло, но я всё увидел.*

ВАСИЛЬ. Ты тупой?

Я. Наверное, да. Тупой. Извини.

ВАСИЛЬ. Да за что извини-то.

Я. За тупость.

ВАСИЛЬ. Так ты не тупи! Мозг подключай к ситуации.

Я. А есть смысл?

ВАСИЛЬ. Ну, надо же что-то делать.

*Я вынул руки из карманов и похлопал в ладони. Но только чтобы согреться.*

Я. Холодно.

ВАСИЛЬ. Я знаю.

*Василь расстегнул пуховик, сунул руку во внутренний карман и выудил из него телефон. Потыкал голыми пальцами в экран. Понажимал сбоку.*

Я. Ну что?

ВАСИЛЬ. Ничего. Батарея, по ходу, сдохла на холоде.

Я. Так быстро?

*Василь снова уставился на меня.*

ВАСИЛЬ. А ты не чувствуешь?

Я. Чего именно?

ВАСИЛЬ. Как холодно?

Я. Да вроде...

*Я прислушался к себе.*

Я. Ну я чувствую, что...

ВАСИЛЬ. Ну, ну!

Я. Я чувствую... ну... как это описать?

ВАСИЛЬ. Я не знаю, я же не ты.

Я. Это как в детстве – ждёшь утром, зимой автобус, он вот-вот приедет, а пальцы на ногах уже начинают дубеть.

ВАСИЛЬ. Уже начинают, да?

Я. Ну... да. Только-только. Самое начало. Дубения.

ВАСИЛЬ. Нет такого слова.

Я. Пофиг. А потом приезжает автобус, и ты заходишь, и вот тебе повезло сесть у печки, и уже так жарко, что хочется раздеться, но пальцы на ногах ещё не до конца согрелись. Их ещё не начало так приятно тянуть – ну, знаешь, такое чувство...

ВАСИЛЬ. Автобус не приедет.

Я. Что?

ВАСИЛЬ. Автобус не приедет. Печки не будет.

Я. Слушай, ну, может, тут ловит мобильный интернет, я сейчас поищу номер аварийной службы...

*Я вытащил из кармана тёплых, лыжных штанов свой телефон. Разблокировал его, успел заметить, что батарея на нуле процентов, после этого экран мигнул и почернел. Василь сделал быстрый шаг по направлению ко мне и выбил телефон у меня из рук. Тот отлетел далеко от нас и упал в снег, и в полутьме я не понял, куда именно.*

Я. Ты что делаешь?

ВАСИЛЬ. А ты что делаешь?

Я. Позвонить пытаюсь... пытался. Всё равно батарея разрядилась... почему-то.

ВАСИЛЬ. Не почему-то. А из-за мороза.

Я. Ну из-за мороза, ладно. Но зачем ты? Я же его теперь хер найду. Он вошёл вертикально и...

ВАСИЛЬ. Нельзя звонить в аварийку.

Я. Ну а что ты тогда предлагаешь?

ВАСИЛЬ. Дай мне подумать.

Я. Взял и выбил телефон из рук, как я теперь...

ВАСИЛЬ. Дай. Мне. Подумать. Пожалуйста.

Я. Ну... думай.

*Я пожал плечами и пошёл к обочине, туда, где, предположительно, лежал в снегу мой телефон. Я думал, что на серой из-за полутьмы поверхности я найду тёмную полосочку – след проникновения моего телефона в снежный покров. Но таких полосок оказалось больше, чем я предполагал. С деревьев падали мелкие отсохшие куски веток и пробивали свежий снег.*

*Я рассматривал обочину довольно долго, прежде чем обнаружил след более ровный, чем остальные. Ни на что не надеясь, я сунул голую руку в обжигающе холодный снег и нащупал плоский, гладкий прямоугольник. Ура, я нашёл его!*

Я. Ура, я нашёл его! Представляешь, нашёл!

ВАСИЛЬ. Только никуда не звони, я тебя умоляю.

Я. Я и не смогу. Я же говорил, что батарея всё.

ВАСИЛЬ. Я тебе не верю.

*Я протянул влажноватый телефон Василию.*

Я. Ну на, сам посмотри. Только не кидай никуда.

*Василь некоторое время повозился с телефоном, но включить его так и не смог. Посмотрел на меня внимательно, вытер телефон перчаткой и положил его к себе в карман.*

Я. Э!

ВАСИЛЬ. Пусть у меня побудет.

Я. Почему?

ВАСИЛЬ. У меня надёжнее. А то мало ли - заработает, я не усмотрю, ты позвонишь, и...

Я. И?

ВАСИЛЬ. Нам кирдык.

Я. Нам и так кирдык. Если мы прямо сейчас не начнём решать, что нам дальше делать. И как нам дальше быть.

*Мы помолчали, глядя друг на друга. В полутьме лица ненадёжные, плывущие, эмоции почти не разобрать, поэтому я не понимал, что думает про меня Василь. Если вообще про меня.*

ВАСИЛЬ. Нам со всех сторон кирдык. Вперёд нельзя, если только пешком, а пешком мы вряд ли... ну... ты понимаешь.

Я. Понимаю.

ВАСИЛЬ. Назад? Только если оставить всё здесь - так, как есть - и пойти опять же пешком...

Я. Надеюсь, что кто-нибудь будет ехать и подберёт.

ВАСИЛЬ. Не перебивай меня.

Я. Извини.

ВАСИЛЬ. Но оставлять всё так, как есть, нельзя. Мы... нарушим условия.

Я. Это да.

ВАСИЛЬ. Ну и потом, если машину найдут...

Я. То потом и нас найдут.

ВАСИЛЬ. Не перебивай меня! Я просил!

Я. Хорошо, хорошо, прости!

ВАСИЛЬ. Я же думаю.

Я. Я тоже думаю, между прочим.

*Василь глянул на меня, а я смутился и случайно посмотрел вверх, на звёзды. Зря я это сделал. Потому что они упали прямо на меня, как хрустальные висюльки с люстры, и пробили насквозь, до самой земли. По крайней мере, я это всем телом почувствовал, больно мотнув головой вниз и в сторону, чтобы не видеть их, будто бы сделанных из концентрированного мороза. Я переступил с ноги на ногу и понял, что мне больно стоять.*

Я. Что-то всё тело болит.

ВАСИЛЬ. Начинаешь понимать.

Я. Начинаю. Автобус не приехал. Печки не будет.

ВАСИЛЬ. Конечно, в такое-то время.

Я. Слушай, ну, может, кто-то будет ехать всё-таки? И нас зацепит? Ему же не обязательно знать, что...

ВАСИЛЬ. Зимой? В такое время? По этой дороге? Зачем?

Я. Ну вот мы же поехали.

ВАСИЛЬ. У нас был выбор?

Я. Нет.

ВАСИЛЬ. Знаешь, что я думаю?

*Я помотал отрицательно головой.*

ВАСИЛЬ. Я думаю, мы сделаем так. Машину оставим здесь. Я потом за ней приеду с той же аварийкой и заберу.

Я. Так. А дальше?

ВАСИЛЬ. Ну а... его... мы всё-таки потащим так.

Я. То есть, руками?

ВАСИЛЬ. Ну, да. А что ты предлагаешь?

Я. Я предлагаю ничего не тащить.

ВАСИЛЬ. Тогда мы нарушим...

Я. Если потащим, то обязательно умрём.



*Василь посмотрел на меня, потом сплюнул под ноги, снял с головы вязаную шапку и вытер ей лицо.*

ВАСИЛЬ. Ты меня опять перебил.

Я. Моя вина.

ВАСИЛЬ. Если мы потащим, то, может быть, согреемся, двигаясь. А потом - работая.

Я. А назад? Ты пройдёшь сорок километров назад? Сможешь пройти?

ВАСИЛЬ. Может быть, и смогу.

Я. А я - вряд ли.

ВАСИЛЬ. Всегда можно попробовать.

*Я пожал плечами.*

ВАСИЛЬ. Если бы не дурацкая машина. Если бы не дурацкая машина!

Я. Толку причитать теперь.

*Он бросился на меня и схватил за куртку. Подержал немного, приблизив ко мне худое, бородатое лицо, и нехотя отпустил.*

ВАСИЛЬ. Не указывай мне, что делать. Если я считаю нужным причитать, я буду причитать.

Я. Твоё право.

ВАСИЛЬ. Может, это помогает мне думать, откуда ты знаешь?

Я. Не знаю. Только у меня ноги ниже колен как колоды уже.

ВАСИЛЬ. И что?

Я. Если мы сейчас хоть куда-нибудь не пойдём, я, наверное, вообще не смогу идти.

ВАСИЛЬ. Пока ещё можешь?

Я. Надо проверить.

*Я походил вокруг машины.*

Я. Знаешь, ощущение такое, что ниже колен натурально колоды. Такие как бы ульи, а в них соты с мёдом, и пчёлы меня жалят за то, что я всунул ноги в их мёд, а я...

ВАСИЛЬ. Что с тобой?

Я. В смысле?

ВАСИЛЬ. Какие ульи? Какой мёд?

Я. Я тебе свои ощущения пересказываю.

ВАСИЛЬ. Звучит так, словно ты бредишь.

Я. Может, уже и брежу. У меня голова болит. Лоб, в частности. Кажется, что кость насквозь промёрзла, и лобные доли превращаются в лёд.

ВАСИЛЬ. Прекрати! Прекрати это!

Я. Да что?!

ВАСИЛЬ. Не хватало нам ещё... Не надо, я прошу тебя, постарайся не сходить с ума! Держи себя в руках!

Я. Слушай, ну просто же холодно. И градус как будто бы ещё ниже падает.

ВАСИЛЬ. Нам надо сосредоточиться... и думать, думать, что делать.

Я. Пока мы будем думать, мы замёрзнем насмерть. И тогда всё потеряет смысл.

ВАСИЛЬ. Я сейчас всё придумаю. Дай мне минуту.

Я. Когда ты тогда сказал: "Ну вот и всё", я, знаешь, что хотел? Я ударить тебя хотел. Потому что ты пессимист. И сейчас ты предлагаешь нам варианты максимально оторванные от... как это сказать... от жизнелюбивости!

ВАСИЛЬ. Нет такого слова.

Я. Есть! Есть! Проверишь потом в словаре.

ВАСИЛЬ. А я проверю.

Я. Плевать. Вот ты говоришь, что я брежу, но на самом деле бредишь ты!

ВАСИЛЬ. Я?

Я. Да! Ты! Потому что ты не хочешь жить!

ВАСИЛЬ. Это почему ещё?

Я. Потому что если бы хотел, то ты бы просто подпалил эту машину, чтобы мы могли согреться и ночь хотя бы пережить!

*Василь вздохнул. На его усах и бороде едва заметно переливались в звёздном свете белые сосульки.*

Я. У меня уже нет лёгких, понимаешь? Там пусто. Один воздух. Только очень холодный.

ВАСИЛЬ. Я не могу нарушить условия договора.

Я. У нас форс-мажор, ты понимаешь?

ВАСИЛЬ. Этот договор не учитывает никакие форс-мажоры.

Я. То есть, умри, но сделай?

ВАСИЛЬ. Выходит, что так.

Я. А зачем?

ВАСИЛЬ. Потому что я обещал.

Я. Думаешь, он на тебя обидится? Ему уже всё равно.

ВАСИЛЬ. Мне не всё равно. Я обижусь. На себя.

Я. То есть, ты предпочитаешь умереть.

ВАСИЛЬ. Не просто умереть. Это будет тупо. Я предпочитаю выполнить обещание. А там будь что будет. Может, и умру.

Я. Ты некрофил.

ВАСИЛЬ. Почему это?

Я. Потому что ты любишь смерть.

ВАСИЛЬ. Я не люблю стыд.

Я. Ты самоубийца. Я жалею, что знал тебя. И его.

*Василь помолчал.*

ВАСИЛЬ. Слушай, мы просто возьмём мешок и потащим. От силы семьдесят кило - на двоих это ерунда. И мешок по снегу скользить будет хорошо. По моим прикидкам, нам осталось до места километра два-три. Ну, четыре, хорошо. Лопаты на мешок положим сверху. Там мы быстро управимся, нам же не надо свежую копать. Положим его сверху, как он и просил, и

зароем. А потом быстро-быстро пойдём назад, даже побежим. Это как марафон, понимаешь? Сорок километров. Как раз согреемся. Всё будет хорошо. Всё будет хорошо. Мы справимся. Всё будет хорошо. Мы не попались и не должны попасться. Нам нельзя, понимаешь? Нам нельзя. Если кто-то, не дай бог, нас сейчас спасёт, то мы попались.

*Он замолчал.*

Я. Предпочитаю сесть в тюрьму, но выжить. Так что отдай телефон. Я буду пытаться его согреть. С ним иногда бывает: он показывает ноль, когда на самом деле там ещё полно заряда. Это из-за мороза заскок такой. Отдай телефон. Отдай. Я буду его греть.

ВАСИЛЬ. Даже не смей.

Я. Отдай телефон.

ВАСИЛЬ. Даже не смей подходить ко мне. Иначе я его сломаю.

Я. Отдай.

ВАСИЛЬ. Нет.

*Я бросился на Василя, выставив вперёд руки и зажмурившись, так как драться совсем не умел и не хотел уметь. Естественно, он сбил меня с ног одним ударом. Я ударился о твёрдую поверхность всем телом, но особенно - головой.*

ВАСИЛЬ. Вот, видишь, я его сломал.

*Надо мной громко хрустнуло. Я лежал и ничего не видел. Я пытался пошевелиться, но не мог. Организм словно отказывался выполнять приказы мозга.*

ВАСИЛЬ. Я и свой на всякий случай сломаю.

*Надо мной громко хрустнуло ещё раз. После чего Василь помог мне встать и прислонил к холодному боку*

*мёртвого авто. Отряхнул с меня снег. Я всё ещё ничего не видел. Я слышал, как Василь отошёл от меня и захрустел шагами, как я догадался, к багажнику. Открыл его. Я услышал кряхтение и глухой шелест, потом на снег что-то увесисто шлёпнулось.*

ВАСИЛЬ. Килограмм шестьдесят, не больше. Может, даже пятьдесят. Рак его почти съел. Ты помнишь, каким он был? Самым крупным из нас. Эта дурацкая кличка - Поролон. А теперь какой он Поролон? Кожа и кости. Рак его почти съел. Вот тебе и Саша-Поролон. Все думали, что он безобидный пухлячок, помнишь? А он на борьбу ходил. Да. Над ним смеялись, а он понимал, что они дураки, и не обижался. А я обижался. Я всегда обижался, даже на тот смех, который не был мне предназначен. Я всегда думал, что если смеются, то надо мной. И дрался. И получал. Дурак. Надо было как Саша. Легче относиться. Помнишь, как он этак рукой своей пухлой делал, мол, ай, всё фигня, расслабься?

Я. Ты меня очень сильно приложил об землю. Я почти ничего не вижу. И у меня жутко болит голова.

ВАСИЛЬ. Сейчас пойдём - и всё пройдёт. Продышишься - и всё пройдёт. Заодно согреешься.

Я. Зачем я с тобой попёрся... Ну зачем? Господи...

ВАСИЛЬ. Кто ж знал, что так будет. Техника подвела. Но я подвести не могу. Давай помогай, я что, один тащить буду?

Я. Слушай, можно я тебя просто убью, а? Той же лопатой.

ВАСИЛЬ. Нет, не можно. Ты не реви давай, а бери за другой конец - и потащили. Не будь, в конце концов, бабой!

Я. Ты сексист. Бабы тебе ничего не сделали.

ВАСИЛЬ. О-о, ты даже не подозреваешь, что бабы мне сделали! Ты даже не подозреваешь. Но сейчас не об этом. Давай. Берись. Поттащили.

Я, шатаясь, подошёл к Василию. Тот стоял, склонившись над чёрным пластиковым мешком – метр на два примерно, – и держал его за один из углов. На мешке лежали две новенькие лопаты. Я присел и взялся за второй угол. Потом с трудом встал. Мешок приподнялся над заснеженной поверхностью под углом где-то в сорок градусов – и лопаты тут же соскользнули с него. То, что лежало внутри мешка, промёрзло насквозь и не гнулось. Василь наклонился, подобрал обе лопаты и положил их себе на плечо, как некий заправский рабочий из кино давно несуществующей страны.

ВАСИЛЬ. Сам понесу.

Я. Да уж я понял.

ВАСИЛЬ. Машину сожжём на обратном пути.

Я. Зачем жечь? Ты же говорил, что заберёшь её потом.

ВАСИЛЬ. Чтобы согреться. Согреемся, и будут силы на марафон.

Я. Я не побегу. Я идти толком не могу. Какой марафон?

ВАСИЛЬ. Согреешься и побежишь. Вот увидишь. Будет хороший костер.

Я. По-моему, ты сошёл с ума.

ВАСИЛЬ. Тогда зачем ты идёшь со мной?

Я. Потому что боюсь тебя. Боюсь, что ты догонишь меня и убьёшь лопатой, если я попытаюсь сбежать.

ВАСИЛЬ. Так я и сделаю.

Я. Вот видишь.

Василь шагнул вперёд. Я немного завозился, путаясь в ногах-колодах, и потому старт получился несколько кривоватый. Но потом мы выровнялись и пошли. Я изредка оглядывался на постепенно уменьшающуюся машину. Её морда была совершенно мёртвой и не выражала никаких эмоций.

ВАСИЛЬ. Вот видишь – уже теплее!

Я. Ни разу.

ВАСИЛЬ. Да мне даже жарко уже, разве ты не чувствуешь?

Я. Нет, не чувствую, я - не ты.

ВАСИЛЬ. Я тебе говорю, это будет не страшнее, чем красть тело из морга.

Я. Да я уже ничего не боюсь, кроме холода. Впрочем, и его не боюсь. Ничего не боюсь. Мне кажется, у меня там уже всё отслоилось. Что нет пальцев на ногах, что там одни обрубки. Одни черные обрубки. Которые придётся потом ампутировать. Если выживу.

ВАСИЛЬ. Тебе кажется. Ты преувеличиваешь.

Я. У меня не самые тёплые ботинки. И носки, хоть и шерстяные, но одни. Хорошо хоть, что я пододел кальсоны. Знаешь, такого очень нежного голубого цвета, максимально противного. Если бы перед дамой сейчас пришлось раздеться, я бы покраснел. Мне было бы очень стыдно.

ВАСИЛЬ. Не беспокойся, здесь нет дам. По крайней мере, живых.

Я. А ещё - я чувствую, что у меня больше нет щёк. Это два больших ледяных блина. А посередине, между этими блинами, нет носа. Есть только твёрдый кусок льда - и он чудовищно болит. Я уверен, что он почернеет, и его придётся ампутировать. Как и щёки. Как и пальцы на руках. Ты знаешь, я вот сейчас держу мешок, но я чувствую только клешню, которая сжалась, а разжимать её придётся кому-то другому, не мне. Я не смогу. Моя вторая рука, хоть я и засунул её в карман, представляет собой такое, знаешь, облачко, полное муравьёв, которые кусаются и кусаются и кусаются... Как будто бы я отлежал эту руку, как будто бы я лежал на ней много дней, пока она почти не отсохла, а потом в неё хлынула кровь, и...

ВАСИЛЬ. Тут нечего идти. Да и Сашка лёгкий. И правда - Поролон.

Я. Сашка просто мёртвый. Я даже не могу сказать, что ему пофиг, потому что нет того, кому могло бы пофиг быть. Его нет. Это не Сашка. Я не понимаю, зачем мы

это делаем. Сашки нет. Он не может обидеться. Тем более, ты сам говорил, что он никогда не обижался. С чем я мог бы поспорить, но не буду. Да, я жалею, очень жалею - теперь! - что подписался на всю эту авантюру, что пошёл на преступление - и ради чего? Выполнить последнюю просьбу умирающего? Тебе не кажется, что это абсурд?

ВАСИЛЬ. Нет. Мне - нет.

Я. Ну ты сам посуди. Человек умер. Исчез.

ВАСИЛЬ. Как же исчез? А кого мы тогда тянем?

Я. Личность исчезла. Разрушилась. Мы тянем упаковку. Не более.

ВАСИЛЬ. Но уважение проявляем к личности.

Я. Но её нет.

ВАСИЛЬ. Но она была.

Я. Но теперь её нет! Ты что, в прошлое, что ли, отправляешь своё уважение?

ВАСИЛЬ. Я в себя отправляю своё уважение.

Я. Это бессмысленно.

ВАСИЛЬ. Пока есть я - есть и Саша-Поролон. Его личность - вот здесь.

*И Василь постучал себя негнущимся пальцем по лбу.*

Я. Ты - это ты. В твоей тупой голове только домыслы и фантазии о Саше. Нет там его личности. И вообще ничего нет.

ВАСИЛЬ. Это уже даже не пассивная агрессия.

Я. Да мне, знаешь, уже и не важно. Жаль, что ты сильнее. Я бы тебя убил лопатой. Просто так. Из вредности. Что с тобой, что без тебя - всё равно сдохну. И очень скоро. Слушай, мне тяжело. Давай остановимся. На минутку.

ВАСИЛЬ. Нельзя. Ни на минутку. Ни на секунду. Остановишься - труп.

Я. Я и так - труп. У меня чернеет и отваливается кусками кожа. Я это чувствую. Если я потрогаю свой



нос, он просто отпадёт и потеряется под ногами. Знаешь, что меня больше всего раздражает?

ВАСИЛЬ. Что?

Я. Шуршание нашей одежды. Скрип снега. Шелест этого дурацкого мешка. Все эти звуки забивают мне уши, а я хочу остановиться и услышать, как тихо вокруг. Мне кажется, если мы остановимся и умрём... то есть, я хотел сказать - замрём, мы услышим, как тихонько-тихонько звенит звёздная люстра. Почти неслышно.

ВАСИЛЬ. Ты говори-говори. Не останавливайся.

Я. Помнишь, в детском саду была эта игра - "Морская фигура, на месте замри"?

ВАСИЛЬ. Конечно.

Я. Вот сейчас бы сыграть, а?

ВАСИЛЬ. Нам некогда.

Я. Вот же параша. Даже перед смертью я не могу по собственному желанию замереть и не двигаться.

ВАСИЛЬ. Мы не умрём.

Я. Ну... если не умрём, то я даю себе слово... даю себе слово, что каждый день буду замирать хотя бы на час.

ВАСИЛЬ. Зачем?

Я. Чтобы тупо отдыхать. Потому что я уже не могу, Вася! Я заколебался. Мы идём и идём, теплее не становится, дорога сужается, из неё торчит всё больше травы. Ты уверен, что она, если не на кладбище, то хоть куда-то ведёт?

ВАСИЛЬ. Всё будет хорошо. Мы уже близко.

Я. А ты вот представь себе. Ну вот найдём мы это кладбище. Зброшенное к чёртовой матери вот уже много лет. Если кто-то и ездит сюда, то крайне редко. Вот мы его нашли. И что дальше? Будем искать могилу его бабушки? Под снегом? Среди травы? Она, может, провалилась давно, и памятника нет. Если вообще был.

ВАСИЛЬ. Я знаю, где. И найду. Не ссы. Давай лучше про звёздную люстру. Это хотя бы красиво было.

Я. Это всё была обыкновенная словесная срань. У меня от переохлаждения мозги сбоят, вот я и несу что попало. Просто чтобы не отключаться. А отключиться так хочется. Глаза сами закрываются.

ВАСИЛЬ. Даже не думай.

Я. Но они закрываются! Что я могу поделаться?

ВАСИЛЬ. Не закрывай.

Я. Когда мы придём, ты копай, а я лягу посплю, хорошо?

ВАСИЛЬ. Я тебе посплю. Будешь копать вместе со мной.

Я. У меня нет сил.

ВАСИЛЬ. У меня тоже.

*Я сделал ещё один шаг и провалился по колени в глубокий снег.*

ВАСИЛЬ. Ну вот мы и пришли.

*Мы вытащили мешок на широкую поляну. Кое-где из снега торчали траурные камни, в других местах – кресты, по большей части – завалившиеся набок. Василь уверенно повернул налево. Я послушно следовал за ним.*

Я. Откуда ты знаешь, куда идти?

ВАСИЛЬ. Я здесь уже был. Приезжали с Сашкой, когда он только заболел.

Я. Ах вот оно что...

ВАСИЛЬ. Бабушка его любила. И он её. И хотел быть с ней.

Я. Но ты же понимаешь... Ты должен понимать, что нет ни бабушки, ни Саши! Что мы просто один труп подселим к другому... трупу. Мы совершаем преступление.

ВАСИЛЬ. Ты был не против его совершать совсем недавно. Что изменилось?

Я. Обстоятельства изменились. В уравнение добавились наши жизни.

ВАСИЛЬ. Они там всегда были, в этом уравнении. Или, может быть, ты думаешь, в какой-то из моментов над твоей головой не висит смертельный топор? Ты с самого рождения под прицелом.

Я. То топор. То под прицелом. Ты определись для начала.

ВАСИЛЬ. Какая разница? Суть одна.

*Мы остановились у неприметного чёрного памятника с чёрно-белым овалом фотографии. Никакой оградки, просто памятник и невысокий, занесённый снегом холмик.*

ВАСИЛЬ. Ну вот мы и пришли. Держи лопату.

*Я взял. Пальцы не гнулись. Я стоял, сгорбившись, и прислушивался к боли в теле, особенно в лице. Мне казалось, что сейчас мои ноги подкосятся и я рухну лицом в снег. Да так и останусь. Я опёрся на лопату.*

ВАСИЛЬ. Ты стоять будешь или копать?

Я. Я не могу.

ВАСИЛЬ. Почему? Я вот тоже не могу, но я копаю.

Я. Во-первых, мне страшно. Во-вторых у меня онемело всё тело, я его тупо не чувствую. Сигналы от мозга просто куда-то проскакивают, а по назначению не идут.

ВАСИЛЬ. Знаешь, у меня ощущение, что мой член уже отвалился и висит только на полоске кожи, а яйца можно класть в стакан с виски, но я, твою мать, стою и копаю.

Я. Фу, какие у тебя метафоры мерзкие.

ВАСИЛЬ. Я сам мерзкий. Копай!

*Я передвинул ноги поближе к могиле и принялся её ковырять лопатой.*

ВАСИЛЬ. Вот. Можешь же, когда хочешь.

Я. Слушай, что-то так долго автобус не идёт.

ВАСИЛЬ. Какой?

Я. Четверка.

ВАСИЛЬ. А. Я понял. Опять сравниваешь.

Я. Что сравниваю?

ВАСИЛЬ. Ощущения. Разве нет?

Я. Нет. Я автобуса жду. Только почему так рано? Пять утра, что ли?

ВАСИЛЬ. Эй, алё!

Я. Вась, а где Поролон?

ВАСИЛЬ. Слушай, это уже не смешно. Хватит!

Я. Да что не так-то? Чего ты на меня накинулся? Ты думаешь, мне хочется в такую рань в школу тащиться? Ещё и математика первым. Ненавижу.

ВАСИЛЬ. Костян, очнись! ОЧНИСЬ!

*Он уронил лопату, сделал шаг ко мне, схватил за грудки и принялся трясти.*

ВАСИЛЬ. Осталось чуть-чуть, ты чего?

Я. Мне снилось, что я на остановке.

ВАСИЛЬ. Ты думаешь, что ты спал?

Я. А разве нет? Мне же снилось. И, главное, сон такой. Что пять утра, зачем-то надо так рано ехать в школу, плюс ко всему ещё и дико холодно. Хотя оно по факту дико холодно. И Поролон с нами нет. Кстати, где Поролон?

ВАСИЛЬ. Вот.

Я. Твою мать.

*Я сел на снег и заплакал.*

Я. Поролон, сволочь! Какого хера ты умер? Какого хера ты умер, да ещё так, чтобы мы возились с твоими похоронами, а не мамка твоя? Зачем тебе это было надо? Чтобы именно МЫ? Сука!

*Василь копал так яростно, пока я рыдал, что, кажется, согрелся. Он даже начал раздеваться. Сначала снял шапку. Потом – перчатки. Затем – куртку.*

Я. Почему такой хороший Сашка, вот скажи мне, Вась, и такая отвратительная у него мать? Как человек отвратительная, мразь просто, а не человек. Отобрать у собственного сына квартиру – а ведь она уже знала, что ему всё, она знала, что у него рак, что он умрёт... Сука, Поролон, какого хера!

ВАСИЛЬ. Может быть, она не мразь. Может быть, она просто практичный человек.

Я. И это говоришь мне ты? Ты? Вась, ты что, совсем?

ВАСИЛЬ. Я пытаюсь, знаешь, с её позиции на эту ситуацию посмотреть. А её позиция, кстати, в чём-то с твоей схожа.

Я. В смысле?

ВАСИЛЬ. Просто для неё личность Сашки исчезла гораздо раньше его смерти. Вот и всё. Кто-то смотрит в прошлое, как я. Кто-то – в будущее, как Сашина мать. Нет никакой разницы, кто куда смотрит.

Я. Почему?

ВАСИЛЬ. Потому что времени нет. Время только вот здесь.

*И он постукал себя голым пальцем по лбу.*

Я. Так. Стой. А ты чего разделся-то вдруг?

ВАСИЛЬ. А мне жарко. Не могу, прямо из груди пышет.

*И он продолжил копать.*

Я. Ну ладно.

*Я встал, подошёл к Василию, протянул к нему руки, но никакого тепла не почувствовал.*

ВАСИЛЬ. Ты что делаешь?

Я. У меня было чёткое ощущение, что ты - печка в автобусе. Но оказалось, что нет.

ВАСИЛЬ. Давай держись, уже почти ничего осталось. Я же держусь.

*И он снял свитер, оставшись в рубашке.*

Я. Мне страшно на тебя смотреть.

ВАСИЛЬ. Не смотри тогда.

Я. Ты... ладно.

*Я закрыл глаза, и за ними тут же понеслись тысячами яркие картинки. Моего тела не стало на какое-то время, я был чистым зрением, но из сладкого состояния меня грубо вырвал оглушающий окрик.*

ВАСИЛЬ. НЕ СПАТЬ!

*Я вздрогнул и открыл глаза.*

ВАСИЛЬ. Не помогаешь копать, так хотя бы найди в себе силы не спать.

Я. Я не могу.

ВАСИЛЬ. А ты смоги. Говори со мной.

Я. Хорошо.

ВАСИЛЬ. Начинай. Говори.

Я. Ладно. Начинаю. Вот ты сказал, что времени нет.

ВАСИЛЬ. Так.

Я. А что тогда есть?

*Он помедлил.*

ВАСИЛЬ. Уважение. Дружба. Любовь.

Я. Ой, ну это всё слова. Есть что-то более конкретное?

ВАСИЛЬ. Если бы это были просто слова, нас бы здесь сейчас не было.

Я. Жаль, что мы сейчас здесь. Очень жаль.

ВАСИЛЬ. А мне нет. Я рад, что всё сделаю правильно.

*И он стянул мешок за края в раскопанную могилу.*

ВАСИЛЬ. Ну что, Костян? Попрощаемся с Сашкой?

*Я кивнул.*

ВАСИЛЬ. Давай, Сашок. Теперь всё встало на свои места. Теперь всё правильно. Так, как ты и хотел.

*Я всхлипнул.*

Я. Пока, Поролон. Дурак ты, скажу я тебе. Дурак, что умер и не остался с нами. А теперь и мы нахер умрём.

*И я заплакал. Василь взялся за лопату и принялся быстро-быстро сгребать землю обратно. Он даже не потрудился сформировать хотя бы какое-то подобие холмика. Закончив, бросил лопату рядом и просто пошёл прочь.*

Я. Эй, ты куда?

ВАСИЛЬ. Домой.

*Мне ничего не оставалось, как пойти за ним. Ну как пойти - поковылять.*

Я. Слушай, ты не нажимай так. Я за тобой не успеваю.

ВАСИЛЬ. А ты успевай. Будешь стараться - быстрее согреешься.

Я. Уже, похоже, не получится согреться.

ВАСИЛЬ. Всё получится. Если долго мучиться...

Я. Вот только не начинай. Я тебя в любом случае теперь навсегда ненавижу. А если ты ещё и присказки всякие будешь кидать...

ВАСИЛЬ. То что?

Я. Буду смертельно ненавидеть. Обойдёмся для начала хотя бы просто ненавистью.

ВАСИЛЬ. Ну... как скажешь.

Я. Сначала машина сломалась...

ВАСИЛЬ. Не по моей, заметь, вине.

Я. По твоей вине! Именно по твоей! Потому что ты не убедился, не проверил, не подготовился как следует!

ВАСИЛЬ. Всего не предусмотреть.

*Мы уже вышли на тропу. Меня то и дело сволакивало в сон. Один раз я даже упал и больно ударился коленом, и как раз эта боль позволила мне встать, а не разлечься прямо на снегу. Но теперь я не мог ступить на ногу и попросту идти. Я нелепо прыгал на небитой ноге, подволакивая травмированную.*

Я. Вася, подожди! Пожалуйста, подожди! У меня нога! С ногой!

*Василь, который к этому времени успел унести далеко прочь, развернулся и направился ко мне.*

ВАСИЛЬ. Ну что ещё?

Я. Я ударился ногой. И не могу идти.

ВАСИЛЬ. Совсем не можешь?

Я. Да. Колено не работает.

ВАСИЛЬ. Чёрт.

Я. Если я пытаюсь ступить вперёд, то там такая боль...

ВАСИЛЬ. Это плохо.

Я. Мне конец. Я умру.

ВАСИЛЬ. Нет. Подожди. Сейчас.

*И он стянул с себя рубашку, связал между собой рукава и расстелил её на снегу.*

ВАСИЛЬ. Давай. Садись. Я тебя потяну. Как на санках.

Я. Я тяжёлый, гораздо тяжелее Сашки.

ВАСИЛЬ. Не важно. Садись давай.



Я. Ты в одной майке. Замерзнешь.

ВАСИЛЬ. Нет. Мне жарко. Я хорошо помахал лопатой и поэтому согрелся. Садись.

Я. Так не может быть. Не при таком морозе.

*Василь усадил меня на рубашку силой и медленно потянул за связанные между собой рукава. Сначала получалось не очень, но потом мы поехали. Я сидел к Василью спиной, ноги мои волочились по тропе.*

ВАСИЛЬ. Ты, главное, разговаривай. Не спи. Неси любой бред, но разговаривай. Не смей спать.

Я. Хорошо.

ВАСИЛЬ. Не "хорошокай". Говори. Много говори.

Я. Нет такого слова - "хорошокай".

ВАСИЛЬ. Мне плевать. Говори.

Я. А ты?

ВАСИЛЬ. А я иду. Мне не надо.

Я. Ты думаешь, на ходу нельзя спать?

ВАСИЛЬ. Подозреваю, что нет.

Я. Так вот, я тебя разочарую. У меня был в жизни случай.

ВАСИЛЬ. Расскажи про него.

Я. Я тогда учился на втором, что ли, курсе. И вот такая интересная жизнь, как мне тогда казалось, у меня была, что однажды я не спал двое суток подряд.

ВАСИЛЬ. А потом тебе надо было на экзамен.

Я. Нет, не на экзамен. Потом мне надо было на вокзал, забрать передачу от матери. Она с маршруткой передавала продукты, большой такой пакет обычно. Мясо там всякое, вкусно приготовленное.

ВАСИЛЬ. Давай-давай. Не спи.

Я. Я не сплю. У меня язык не работает.

ВАСИЛЬ. Чем больше ты говоришь, тем теплее у тебя во рту.

Я. Сильно сомневаюсь.

ВАСИЛЬ. Ну? И что дальше?

Я. Ну и вот. Поехал я на вокзал. Встречать утреннюю маршрутку. Приехал. Стою, жду. Сигаретку курю, чтобы спать не так хотелось. А потом - оп! - просыпаюсь уже в общежитии, вечером, в ужасе от того, что где-то посеял мамкину передачку. А я не только не посеял, я ещё и разложил всё аккуратно по полкам, и мясо в холодильник закинул. Только как я это делал, я хоть убей не помню. И как в общежитии ехал - тоже. Провал.

ВАСИЛЬ. Ну, и что дальше?

Я. Да ничего. Лёг досыпать.

*Мы на некоторое время замолчали.*

Я. Вот ты говоришь... Уважение, дружба. Любовь.

ВАСИЛЬ. Говорю.

Я. Но мы же не дойдём.

ВАСИЛЬ. Ещё как дойдём.

Я. Ты сорок километров не осилишь.

ВАСИЛЬ. Ещё как осилю.

Я. У тебя тоже предел есть. И уважение, дружба и, прости меня, любовь здесь вообще ни при чём.

ВАСИЛЬ. Они всегда при чём. А предела у меня нет. Я беспредельщик.

Я. Это слово кое-что другое значит.

ВАСИЛЬ. Мне плевать.

Я. Как скажешь.

ВАСИЛЬ. Лучше ты говори.

Я. А я и скажу. Если придерживаться твоей концепции о том, что времени нет, то и нас уже нет. Мы уже умерли.

ВАСИЛЬ. Почему это?

Я. Потому что не дошли.

ВАСИЛЬ. Ещё немного.

Я. Вася, очнись! Ещё много! Ещё дофига! Ещё вся дорога вообще, какая только может быть!

*Он остановился, бросил поводья импровизированных санок, обошёл меня, наклонился ко мне и влепил пощёчину.*

ВАСИЛЬ. Не смей так думать.

*Он вернулся, поднял поводья и осторожно потянул за них. Мы снова поехали.*

Я. Ты думаешь, я что-нибудь почувствовал?

*Он не ответил.*

Я. У меня больше нет лица. Колено ещё есть. А лица - нет.

*Он не ответил, продолжая тянуть. В какой-то момент рубашка с мягким шорохом выскользнула из-под меня, и я остался сидеть на снегу. Стало почти совсем тихо, я различал только удаляющиеся шаги и едва заметное электрическое потрескивание воздуха. Потом и шаги пропали.*

Я. У меня больше нет лица. Нет ушей. Нет вообще головы. Я не понимаю, как я вообще всё ещё могу видеть и слышать. У меня нет рук, ног, туловища, всё, что осталось - это повреждённое колено. Но и оно скоро пропадёт. Я не дышу. Это воздух сам входит и выходит в тот ледяной шарик, что остался от меня. Ледяной шарик с маленькой точкой боли. Эта точка боли удаляется от меня, медленно, но верно.словно отплывает на маленьком кораблике.

*Я помолчал.*

Я. Кому я всё это говорю?

Стоило мне закрыть глаза, как я тут же очутился на пляже, под ослепительным солнцем, среди людей в плавках и купальниках, только в море, на гребнях высоких волн плавали гигантские глыбы льда и словно преследовали купающихся, разбивая им головы и ломая конечности, а воздух оказался таким холодным, что как я ни заворачивался в полотенце, а согреться не мог. Я дрожал, у меня тряслась челюсть, а папа смотрел на меня с улыбкой, он выпил пива и теперь грелся на солнышке, потихоньку засыпая. Папа, который вчера при мне поймал воробья голыми руками, накормил крошками от булки и отпустил. Как ты не замечаешь, папа, этого холода под белым слепым солнцем, этих льдин, убивающих людей? Папа откинулся на спину, прикрыл лицо моей панамкой и, сложив руки на животе, засопел.

Я. Пап. Ну ты чего? Проснись, а? Проснись. Там мама в море. Её может убить этой льдиной. Давай позовём маму, пусть возвращается. А то про меня говорит, что губы синие, а сама купается сколько хочет. Пап. Ну пап. Ну не спи. Пап.

Папа молчал, только живот его поднимался и опускался медленно и спокойно на фоне доносящихся с моря криков.

Я. Ну пап.

Кто-то дёрнул меня, грубо и больно дёрнул, и я вывалился назад в неподвижный, ледяной лес.

ВАСИЛЬ. Не папкой.

Я. Ты за мной вернулся, что ли?

ВАСИЛЬ. Как видишь.

Я. Глупости. Это бессмысленно.

*Василь, пропустив мои замечания мимо ушей, взвалил меня к себе на спину и пошагал, громко хрустя снегом.*

Я. Я тебе не мешок картошки.

ВАСИЛЬ. Поэтому я и держу тебя за руки, а не наоборот.

Я. Попробовал бы ты наоборот.

*Он не ответил. Несколько минут мы провели в молчании. Василь больше не требовал от меня во что бы то ни стало бодрствовать. Просто тащил на себе моё тело.*

Я. Пока ты где-то там ходил без меня, я побывал на море.

ВАСИЛЬ. Да? Ну надо же!

Я. Сарказм.

ВАСИЛЬ. Ну ещё бы. Пока ты бывал на море, я подготовил всё для того, чтобы у нас была возможность хорошенько согреться перед марафоном.

Я. Я не смогу марафон. Я просто идти не могу.

ВАСИЛЬ. Ничего, не переживай. Сначала нужно согреться.

*Скоро я увидел, как приближается к нам тело нашей мёртвой машины с распахнутыми, как крылья божьей коровки, передними дверцами.*

ВАСИЛЬ. Я всё подготовил.

*Он подтащил меня к машине, аккуратно поставил на снег, после чего бережно, поддерживая и направляя, усадил на пассажирское сиденье. Захлопнул дверцу. Обошёл машину со стороны капота и сел на водительское. Посмотрел на меня. Я заметил, что на нём, кроме трусов, больше нет никакой одежды.*

ВАСИЛЬ. Я всё подготовил.

Я. Ты чего голый?

ВАСИЛЬ. Сейчас согреемся.

*В машине слишком сильно пахло бензином. Василь поднёс к моим глазам правую руку с зажатой в пальцах зелёной зажигалкой.*

ВАСИЛЬ. Я всё подготовил. Сейчас согреемся.

*Не помню, как, но я открыл дверь и вывалился из машины прежде, чем Василь поджёг её изнутри. Я откатился к обочине и, лёжа на спине, несколько минут наблюдал, как обжигающе ярко горит четырёхколёсный механизм, обрекший нас на смерть в этом зимнем лесу. Горит с моим другом внутри.*

Я. Василь, я вспомнил. "Каждому своё" – это не из Библии. Это фраза над воротами Бухенвальда.

*Я прикрыл глаза. Василь был прав – я на самом деле согрелся. Немножко, но согрелся. По крайней мере, теперь в море не плавали ледяные глыбы-убийцы. Я сбросил с себя полотенце и пошёл навстречу маме, медленно выходящей из воды.*

7-8 октября 2022 г.